

XIX.

БУРЬ-ХРАБЕРЪ.

Жилъ былъ царь. У него не было дѣтей. Пошолъ царь по полю гулять, попался ему старецъ и говоритъ: что ты царь призадумался? А онъ и говоритъ: отойди отъ меня. Онъ ему въ другой и третій разъ попался. Царь говоритъ: а чтожь ты мнѣ поможешь? А старецъ говоритъ: помогу.—Чѣмъ? —Вотъ чѣмъ: въ вашемъ пруду велите поймать вашихъ слугамъ шуку желтоперую и дайте парицѣ съѣсть,—она родить.—Царь пришолъ домой и велѣлъ своимъ слугамъ ловить шуку желтоперую. Они ловили, ловили, ничего не поймали. Идетъ этотъ самый старецъ и говоритъ: что вы ловите? Они сказали ему: какой-то дуракъ сказалъ нашему царю, что тутъ есть шука желтоперая. — Закиньте-ка на мою дольку! Они говорятъ: мы закидывали, закидывали, — уморились. — Да ну закиньте-жы! — Они какъ закинули. такъ и вытащили шуку желтоперую. Принесли ее дѣвкѣ-чернавкѣ жарить. Она изжарила и ѣла; остальное отдала парицѣ, а помои отнесла выпить кобылицѣ-салтыницѣ. Кобылица-салтыница родила, потомъ дѣвка-чернавка родила, потомъ парица. Первому дали имя Бурь-Храберъ, второму Иванъ Царевичъ, и третьему—Димитрій Царевичъ. Они росли не по днямъ, а по часамъ. Стали на улицу ходить, шутки не малыя шутить: кому за голову ухватятся

— голова прочь, кому за ногу — нога прочь. Стань царю докладывать. Они и говорят: благословите насъ батюшка! Что намъ тутъ жить. — Царь долго ихъ не отпускалъ, наконецъ отпустилъ.

Вотъ Иванъ Царевичъ и Дмитрій Царевичъ взяли себѣ по лошади, а Бурь-Храберъ выбиралъ-выбиралъ себѣ лошадь, не выбралъ по своей силѣ, такъ и пошелъ пѣшкомъ. Вотъ они дорогой говорятъ: давайте себѣ по тросточкѣ закажемъ. — Иванъ Царевичъ, да Дмитрій Царевичъ пріѣхали, а Бурь-храберъ пѣшкомъ пришелъ къ кузнецу. Иванъ Царевичъ заказалъ себѣ тросточку въ три пуда, кинулъ ее кверху, поставилъ руку, она согнулась: вотъ, говоритъ, моя слуга. Дмитрій Царевичъ себѣ заказалъ тросточку въ шесть пудовъ, кинулъ ее кверху, поставилъ руку, она согнулась: вотъ, говоритъ, моя слуга. А Бурь-Храберъ заказалъ себѣ тросточку въ двѣнадцать пудовъ; кинулъ кверху, она переломилась. Онъ и говоритъ: кузнецъ, катай мнѣ еще въ двадцать четыре пуда. — Кинулъ ее кверху, поставилъ руку, она согнулась. Онъ говоритъ: вотъ моя слуга. Шли-шли они, стоитъ избушка; Иванъ Царевичъ говоритъ: братья, давайте, у кого избушка отворится, свѣча затеплится, тотъ намъ будетъ большой братъ. — Иванъ Царевичъ бился-бился, избушка не отворилась, свѣчи не затеплились и Дмитрій Царевичъ также. Бурь-храберъ сказалъ слово; тотчасъ избушка отворилась и свѣчи затеплились. Иванъ Царевичъ и говоритъ: вотъ будетъ намъ большой братъ.

Ѣхали они, Ѣхали, встрѣчается имъ старецъ и говоритъ: что-жъ ты, Бурь-Храберъ, братья твои

ѣдутъ на лошадихъ, а ты идешь пѣшкомъ. Онъ и говоритъ: по моей силѣ нѣтъ коня. Онъ и говоритъ: въ этомъ лѣсу, подъ такимъ-то камнемъ, за двѣнадцатью чугунными дверями засаженъ конь, сильнѣй тебя. Онъ и пошелъ въ этотъ лѣсъ, нашолъ камень и говоритъ Ивану Царевичу: Иванъ Царевичъ, отвори этотъ камень.—Онъ дулся-дулся, не отворилъ. И Димитрій Царевичъ также не отворилъ. А Буръ-Храберъ, тронулъ пяткой камень, онъ и отскочилъ. Онъ и сталъ двери ломать чугунныя. А конь слышитъ по себѣ ѣздока, зачалъ двери коверкать; расковеркался и прямо вылетѣлъ Буръ-Храбру на грудь. А Буръ-храберъ сталъ его бить промежъ ушей и говоритъ: врешь, собачье твое мясо. Сѣлъ на него верхомъ и пріѣзжаютъ они къ морю и говорятъ: надо пересигивать море. Иванъ Царевичъ разѣхался на три версты и билъ своего коня по крутымъ бедрамъ; но середь моря утопъ съ своимъ конемъ. Димитрій Царевичъ разѣхался на шесть верстъ, и тотъ посередь моря утопъ. Ихъ обоихъ змѣй проглотилъ. Буръ-храберъ разѣхался на двѣнадцать верстъ, его конь только море хвостомъ застлалъ; перескочилъ на берегъ и поѣхалъ. Змѣй летитъ за нимъ и говоритъ: сейчасъ тебя съѣмъ! Онъ ему и говоритъ: врешь, змѣй проклятый, подавишься! Сѣлъ на этого змѣя верхомъ и приказалъ кузнецу въ три пуда пулю горячую; бросилъ ему въ ротъ, онъ и проглотилъ. Заказалъ еще въ шесть пудовъ, бросилъ ему въ ротъ,—онъ и эту проглотилъ. Заказалъ въ двѣнадцать пудовъ, бросилъ ему въ ротъ, онъ подавился. Взялъ балду, зачалъ его бить и говоритъ: врешь

змѣй проклятый, харкай эти пули. Онъ выхаркалъ эти всѣ три пули. Буръ-храберъ и говоритъ: врешь змѣй проклятый, харкай моихъ братьевъ.—Онъ выхаркалъ братьевъ. Потомъ говоритъ: врешь, змѣй проклятый, вези къ живой и мертвой водѣ. Онъ привезъ къ разорвательному колодцу. Буръ-храберъ бросилъ прутикъ, его разорвало. Опять говоритъ: врешь, змѣй проклятый, вези къ живой и мертвой водѣ. Привезъ къ живой и мертвой водѣ. Буръ-храберъ бросилъ прутикъ,—прутикъ разцвѣлъ; почерпнулъ пузыречикъ живой и мертвой воды, помазалъ своихъ братьевъ, у нихъ гѣло срослось, они стали живые. Буръ-храберъ пихнулъ этого змѣя въ разорвательный колодезь, его тамъ разорвало.

Ѣхали они, Ѣхали, пріѢхали въ царство. Тамъ царствуетъ царица волшебница. Она себѣ выбирала жениха. Выбирала, никакъ не выбрала; всѣ они ей не нравились. Только полюбился ей Иванъ Царевичъ, она и говоритъ: кто подберетъ мой золотой волосочикъ, за того я замужъ выду. Буръ-храберъ бился-бился, не подобралъ Царица пріѣзжаетъ къ старцу и говоритъ: дѣдушка, дѣдушка, высунь головушку. Онъ высунулъ. Она выдернула золотой волосочикъ. А Буръ-храберъ сдѣлался воробушкомъ, полетѣлъ за ней и говоритъ: дѣдушка, дѣдушка, высунь головушку. Онъ высунулъ, а Буръ-храберъ и отсѣкъ ему золотую головушку. Прилетаетъ въ царство, отдаетъ эту голову Иванъ Царевичу и говоритъ: если царица скажетъ—эти русые, не похожи на мои, то ты покажи ей всю голову. Царица и говоритъ: эти русые, не похожи на мои. Онъ показалъ ей всю голову. Она и говоритъ: дѣлать нечего,

за тебя иду замужъ.—Повѣнчались. Она наложила руку на Иванъ Царевича, онъ дышать пересталъ. Наложила ногу, онъ совсѣмъ умираетъ и говоритъ: постой, вотъ я на улицу пойду. Она и говоритъ: ну, ступай! Онъ вышелъ и говоритъ: какъ быть, Буръ-Храберъ, она меня совсѣмъ уморила. Онъ говоритъ: постой братъ, я въ твою одежду передѣнусь. Онъ говоритъ: ну передѣнься! Буръ-храберъ взялъ свою скинулъ, а его надѣлъ. Взялъ съ собой три прута мѣдныхъ, да три желѣзныхъ, да три оловянныхъ, пришолъ къ царицѣ въ домъ. Она наложила руку, онъ молчитъ; наложила ногу, онъ схватилъ ее за косы, истрепалъ объ нее три прута мѣдныхъ, да три желѣзныхъ, да три оловянныхъ. Ушолъ отъ ней въ садъ и говоритъ Ивану Царевичу: ступай, теперь она смирна. Онъ пришолъ къ ней. Она и говоритъ: ты меня билъ? Онъ говоритъ: нѣтъ, это мой братъ билъ тебя. Она и говоритъ: давай его какъ-нибудь похитимъ. Онъ говоритъ: ну, давай.—Буръ-храбру глаза выкололи, а Димитрію Царевичу ноги отрубили. Утромъ встаютъ. Буръ-храберъ не видитъ, а Димитрій Царевичъ не ходитъ. Димитрій Царевичъ сѣлъ на Буръ-храбра и они поѣхали.

Пріѣхали въ лѣсъ, построили себѣ избушку и пошли дичь стрѣлять. Пришли они въ одно царство и унесли у царя дочь. Царь кинулся ихъ догонять. Димитрій Царевичъ кричитъ: направо, налево!—Такъ царь ихъ не догналъ. Они опять пошли на охоту и видятъ, что ихъ царская дочь стала худая. Она говоритъ: ко мнѣ змѣй прилетаетъ, онъ у меня груди сосетъ, а я его ищу. Они говорятъ:

ты ищи, а космы за окошко откидывай. Она искала, а космы за окошко откидывала. А Буръ-храберъ подкрался, засучилъ руки въ космы, таскалъ-таскалъ и говоритъ: врешъ, змѣй проклятый, вези къ живой и мертвой водѣ. Онъ привезъ его къ разорвательному колодцу. Буръ-храберъ бросилъ прутикъ—разорвало.—Врешъ, змѣй проклятый, вези къ живой и мертвой водѣ. Буръ-храберъ бросилъ прутикъ: онъ разцвѣлъ. Помазалъ глаза, сталъ глядѣть. Димитрію Царевичу помазалъ ноги, сталъ ходить. Пришли они домой, взяли царскую дочь и принесли опять царю назадъ. Царь имъ обрадовался, угостилъ ихъ, оставлялъ вмѣстѣ жить. Они не остались.

Шли-шли, пришли въ то самое царство, гдѣ жилъ ихъ братъ Иванъ Царевичъ. А жена его заставила свиней стеречь. Иванъ Царевичъ ихъ узналъ, а они его не узнали. Палъ имъ въ ноги и говоритъ: простите братья. А Буръ-храберъ говоритъ: не ужели это ты, Иванъ Царевичъ? Онъ и говоритъ: я.—Ну, погонимъ свиней. Буръ-храберъ одѣлся въ Иванъ-Царевича одежду, взялъ кнутъ и погналъ свиней. Пригоняютъ они къ воротамъ, одна свинья растянулась у воротъ. Онъ ее кнутомъ; она побѣжала, закувикала. Ивана Царевича жена выбѣжала. Онъ ее и убилъ совѣмъ. Братья разошлись по домамъ. Стали жить поживать. Я тамъ былъ, медъ, вино пилъ; но усамъ текло, а въ ротъ не попало.
